

СПОСОБ БЫТЬ, ИЛИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ОПЫТА¹

О.А. Жукова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Философское поколение представляет собой важную историко-культурную тему. С нашей точки зрения, речь идет не только о том, что сделали представители поколения. Это вопрос о сложившихся профессиональных связях, научных коммуникациях, корпоративном и дружеском круге общения в контексте российской интеллектуальной и культурной истории – это вопрос о традициях и преемственности творческого опыта.*

Ключевые слова: *философия, поколение, межпоколенческая преемственность, творчество, русская культура.*

Моим учителям

Поколение как историко-философский феномен: российский контекст

Вопрос о поколении как социокультурном и историческом явлении, если рассматривать его в личностном аспекте поколенческой принадлежности, вероятно, может быть «исследован» только биографически или автобиографически, если о себе, как о представителе поколения, размышляет сам исследователь. Написание автобиографии – задача нетривиальная, имеющая много вариантов решения в зависимости от поставленной цели – от кратких и формальных сведений о себе, сводящихся к протокольному CV, до беллетризованных мемуаров, повествующих о событиях эпохи и содержащих рефлексии автора на эту тему. Вариантов творческого самовыражения здесь немало, как и блестящих образцов подобного жанра, хорошо известных в русской литературной и философской традиции. На фоне таких вершин философских мемуаров и автобиографий, как «Былое и думы» А. Герцена, «Мои воспоминания» А. Бенуа, «Самопознание» Н. Бердяева, «Бывшее и несбывшееся» Ф. Степуна, «На путях к свободе» А. Тырковой-Вильямс, мемориальные очерки Б. Зайцева, и многих-многих

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 948–969.

других текстов русской культуры, написанных мыслителями, писателями, художниками, политиками, к теме поколения психологически довольно трудно подступиться. Да и годами воспитанная школа историко-философской работы, с необходимой для нее процедурой реконструкции традиции и культурного контекста, как говорится, обязывает.

Конечно, обращаясь к классике жанра, я задаюсь вопросом: какую ценность может иметь мое свидетельство? В чем будет состоять культурный смысл такой работы для профессионального философа и культуролога, посвящающего все свои исследовательские и педагогические усилия восстановлению духовных и интеллектуальных традиций России, актуализации смыслов национальной культуры, философски, художественно, политически выраженных ее гениальными авторами? Как представляется, свойством мемуаров является то, что автор, как субъект творчества, обладает самым высоким уровнем «верификации» – достоверностью личного опыта, поэтому слову пишущего принято доверять. Его амбивалентная позиция участника и наблюдателя одновременно делает автобиографический нарратив предельно свободным, определяемым только одним «регулятором» – мерой моральной ответственности и интеллектуальной честности перед собой и своим читателем – современным и будущим. Цель философских мемуаров – воссоздать образ эпохи и ее характерологические черты, подняться, в идеале, до историсофских обобщений и рассуждений о ценностях и значениях культуры. Портретируя лица современников, анализируя идеи и взгляды своих сторонников и оппонентов, дать эмоционально окрашенную интерпретацию культурным и политическим событиям настоящего, выяснить его духовную связь с прошлым и поразмышлять о будущем России. В этом случае документированное свидетельство «от первого лица», в котором жизнь человека предстает как неотъемлемая часть жизни страны и общества, по образцу русской философской автобиографической прозы, может стать голосом современного поколения и позволить читать национальную историю как текст самой культуры, авторство которого принадлежит пишущему его участнику. Но это задача максимум – на перспективу. Сейчас свою задачу я вижу более скромной.

Отмечу, однако, что автобиографическое повествование, при всей кажущейся субъективной селекции фактов и событий, глубоко личностном характере представлений и оценок (это диктуется самим жанром), не мешает автору посмотреть на свое поколение и современную ему эпоху сквозь призму социальной аналитики и философии истории. С методологической точки зрения главную сложность для меня представляет слово «свое», которое, собственно, и является проблематизируемым и в жанровых образцах, обладающих непреходящим культурным значением, и в текстах актуальных, создающихся «здесь-и-теперь», приближающихся к литературным образцам если не по уровню высказывания, то, как минимум, по ряду содержательных и документальных задач. Если работать с концептом «свое поколение», то придется признать, что он аналитически трудновычленим и по временному критерию (с какого года рождения можно записывать в «свое» поколение?), и по пространственному (какие жизненные, социальные ниши опознавать как «свои?»).

Чтобы подступиться к выполнению такой работы, правильно найти образец и, оценивая его, понять, какую задачу выполняет автобиографическое сочинение в наследии автора, какое содержание оно вносит в метатекст русской культуры. Не ошибусь, если укажу, что наиболее важным опытом аналитической работы с актуальной историей как историей «своего поколения» можно считать герценовские «Былое и думы» – книгу, которую необходимо понимать как роман-исповедь о поколении. Этот философский роман, где есть место и лирике, и драме, представляет собой беллетризованный, собранный в целостный текст интеллектуальный дневник автора, который принимает на себя миссию быть «ответчиком по делу» своего поколения, выступая то в роли судьи России и ее власти, то в роли адвоката национальной истории и русского общества. Факт биографии младенца Саши Герцена – спасение семьи бегством из Москвы, к которой движутся наполеоновские войска, в мифологической целостности детского сознания становится определяющим моментом личностной самоидентификации.

фикации – моментом рождения человека в истории в его принадлежности к поколению русской молодежи, которое будет гордиться победой в Отечественной войне 1812 года. Герцен, вспоминая, как просил няню бесконечное количество раз повторить рассказ о семье, в спешке оставлявшей Москву в 1812 году, в начальных строках «Былое и думы» напишет, что с «гордостью улыбался, довольный, что принимал участие в войне» [Герцен 2003: 9]. С упорным любопытством допытываясь у няни, «с чего все началось», он получит предельно емкий и мудрый в своей простоте ответ: «Так и началось» [Там же: 9].

Так и начался для будущего властителя русских умов отсчет времени культуры, измеряемый жизнью поколения, общего в своих идеальных устремлениях жить в России и ради России, – поколения, вдохновляемого общенациональным консенсусом, возникшим после победы над Наполеоном. Пережив трагедию восстания декабристов, русское общество и власть разделится, по выражению А. В. Тырковой, на «мы и они» [Наследие ... 2012: 1064]. Следствием этого раскола станет то, что поколение молодых интеллектуалов, к которому принадлежал Герцен, разойдется во взглядах на смысл и назначение национальной истории и, главное, в практических выводах из этого философского понимания, что станет прологом великой драмы в истории России – революции. В начале следующего столетия М. О. Гершензон, выдающийся представитель интеллектуальной культуры Серебряного века, напишет о философском поколении Герцена, Огарева, Грановского, Станкевича, родившихся в период военных и политических побед Российской империи и наивысшего подъема национально-патриотического духа, юность и молодость которых пришлась уже на совсем другую политическую эпоху – николаевскую. Гершензон выполнит масштабное исследование по интеллектуальной истории России и первый из философов и историков отечественной культуры создаст групповой портрет поколения русских мыслителей, как «цельную картину известной эпохи в преемственной смене личных переживаний» [Гершензон 2015: 9]. Как покажет Гершензон, точкой отсчета для поколения Герцена и Станкевича, стоящих у истоков, пожалуй, самого влиятельного умственного течения национальной культуры – русского европеизма, – будет война 1812 года и декабристское восстание.

Адресуясь к этим литературно-философским образцам, которые воспринимаются сегодня как звенья в преемственной цепи поколений и живая эстафета памяти русской культуры, можно воспользоваться герценовской формулой «так и началось» и попытаться найти такую точку отсчета по отношению к своей биографии – определить начало, которое бы задало историческую перспективу всему повествованию.

Что можно сказать о моем поколении, родившемся за 30 лет до миллениума, намного позже великой победы 1945 года, XX съезда КПСС и полета первого человека в космос – грандиозных потрясений, которые изменили ход национальной и мировой истории, – сказать о поколении, живущем уже наследием советской цивилизации, по существу, памятью отгремевших событий? Человек эпохи заката Советского Союза, чье детство, проведенное в промышленном городке на Южном Урале, пришлось на годы брежневского «застоя» и «пятилетку пышных похорон», юность – на период горбачевской «перестройки», а молодость – на распад советской империи и утилизацию ее политического и экономического наследства? Пусть эти запоминающиеся определения и не являются в строгом смысле слова концептами, но они вошли в словарь эпохи – в политический и публицистический язык, обозначив вехи социальной истории России последней трети XX века. Мы жили в этой реальности и понимали ее с помощью слов со скрытым или явным смыслом, настолько же точных в своей очевидности, как и безжалостно горько-ироничных. Эти часто произносимые слова маркировали время жизни моего поколения, довольно метко выражая отношение общества к происходящему.

Дополнительная трудность для меня, как историка интеллектуальной и культурной истории, заключается в том, что «настроить» объективную исследовательскую оптику для изучения и интерпретации процессов, происходивших в эпоху политической деградации Совет-

ского Союза и последовавшего после его распада драматического формирования современного российского общества, весьма проблематично. А именно к этой рубежной истории – эпохе больших перемен – получается, я принадлежу.

Замечу, что сложность анализа определяется не только разностью политических оценок и «борьбой» идеологических дискурсов по вопросу интерпретации российской истории XX и XXI веков, в том числе ее актуального состояния – позднесоветского и постсоветского периодов. Но также и потому, что российский социум все еще находится в активной фазе поиска своей культурно-политической идентичности. Отказавшись от идеологии, он ищет идею, а в ее отсутствие возмещает морально-политическую и интеллектуальную неспособность к национально-государственному строительству различными программными документами и проектами. Но не все так плохо. Мы боремся – за культуру, за свободу, за право мыслить, за идеал. Одним словом, «держимся», как завещал один небезызвестный российский политический деятель. И, возможно, если бы сегодня не было этого – упорно, несмотря ни на что, сохраняющего себя коллективного представления об ответственности интеллектуала-гуманитария, который живет сложным комплексом идей и моральных рефлексий русской и советской интеллигенции, – то о современной российской философии (или философии в России) говорить бы не приходилось.

Масштаб трансформаций, переживаемых Россией за последние 40 лет, столь велик, что формула «жизнь поколения на фоне истории», успешно развиваемая в разножанровых биографических, мемуарных и «нон-фикшн»-нарративах, мне кажется, должна быть скорректирована. Следовало бы говорить о том, как история становится действующей силой поколений, включает их в себя, дает направление и ход их жизни, что не отменяет, конечно, глубоко персональных траекторий движения, в том числе и драматичных и даже трагичных, кажущихся, скорее, исключением и по рисунку судьбы, и по своим культурным результатам, но все равно глубоко симптоматичных для своего времени. В этом смысле я говорю и о себе, и о своем «пути в философию» из традиции музыкального исполнительства, музыкальной теории, истории искусства и теории культуры – культурологии, внекорпоративном и внеинституциональном вертикальном межпоколенном движении в интеллектуальном пространстве советской-российской-русской культуры, о точках жизненных бифуркаций, экзистенциальных и профессиональных выборах и векторах пути – о «квантовании» истории и социальности – их «сгущении» в область философского и метафизического способа жизни. Во всем, что произошло и как разворачивались события в моей жизни, можно видеть отчетливую линию – поступательное движение, обладающее внутренней логикой. Я устремлялась из одной образовательной ступени в другую, каждый раз меняя дисциплинарный профиль, но при этом оказывалось, что очередная ступень вверх по образовательной лестнице не только открывала для меня новую профессиональную среду, но и приближала ко все более теоретическому и философскому способу мышления и деятельности, что в итоге привело меня к профессиональной работе в области философии и сделало частью московского философского сообщества, объединяющего разные поколения исследователей и преподавателей.

Производя анализ такой проблемы, как философские поколения, мне кажется, уместно также отметить, что в культурно-историческом плане поколение – это не только единица демографического измерения, а случившееся или становящееся событие в истории. Справедливо говорить об относительно устойчивой, обладающей специфическими социальными и культурными признаками части общества, вошедшей в его историческую жизнь на определенном отрезке времени и закрепившейся в системе отношений характерным способом и содержанием деятельности. Такое широкое и дисциплинарно неспецифическое определение, тяготеющее к предметному полю философии, теории и социологии культуры, на мой взгляд, позволяет говорить не только о поколении в целом, а производить социологическую и культурологическую дифференциацию поколения в его профессиональной специализации, обращая внимание на такое явление, как среда – культурная, интеллектуальная, профессиональная.

Судьба и творчество жизни: межпоколенческая вертикаль

Мой краткий рассказ о себе как представителе поколения родившихся за 30 лет до третьего тысячелетия, как можно видеть, имеет две стратегии, или две техники наррации – философско-культурологическую (аналитическую) и автобиографическую (коммеморирующую). С чего-то надо начать, и я начну с небольших зарисовок, красноречиво иллюстрирующих сложность ответа на поставленный вопрос о поколении.

Вспоминается два эпизода, отстоящих друг от друга примерно на 20 лет. Первый – университетский, когда один из моих екатеринбургских учителей Лев Наумович Коган, основатель уральской школы социологии и культурологии, услышав мой ответ на экзамене по теории культуры, явно его поразивший в лучшем смысле, не сдержавшись, громко воскликнул: «Откуда ты такая взялась?» На этот вопрос мне пришлось отвечать очень много раз в различных учебных, научных, творческих институциях и профессиональных сообществах – в городах, где приходилось учиться, жить и работать, и, конечно, чаще всего в Москве.

Второй эпизод – «заграничный», когда в ходе дружеского общения вдруг впервые возник вопрос о поколении. Однажды в Париже (это было в самом начале февраля 2013 года) доктор социологии Ольга Юрьевна Ярцева, долгое время проживающая и работающая во Франции, заинтересованно расспрашивала меня и Алексея Алексеевича Кара-Мурзу об общих умонастроениях русских философов и политологов, об их направлениях исследований, научном «мейнстриме», пытаюсь, видимо, для себя составить собирательный образ интеллектуальной элиты современной России – своего рода репрезентативный групповой портрет гуманитариев, занимающихся тем, что раньше называлось производством идей и ценностей.

Разговор был такой:

Я в целом понимаю, чем занимается Лёша, какой у него был путь в политологию и философию, какие мотивы двигали его поколение и кто его представляет, но Ваше, Ольга, поколение, условно назовем его поколение 40-летних, мне неизвестно. Кто является его лицом и кто, как, например, Вы, так серьезно занимается философией русской культуры и истории, вообще русской мыслью, обладает академическим авторитетом, задает какие-то направления в науке, –

оживленно рассуждала Ольга Юрьевна, постоянно оборачиваясь к пассажирам на заднем сиденье машины. За рулем был ее муж, известный математик Сергей Александрович Нечаев. Ольга и Сергей везли нас в пригород Парижа, на Campo Santo русской эмиграции, кладбище Sainte-Geneviève-des-Bois, где мы с Алексеем Алексеевичем, продолжая активную работу по проектам Фонда «Русское либеральное наследие», решили побывать.

Вопрос был неожиданным, можно сказать, он поставил в тупик. Мы с Алексеем Алексеевичем переглянулись. На минуту я задумалась, мысленно пробегая по лицам и институтам, различным профессиональным сообществам, с которыми я была связана по роду своей деятельности, и, чтобы не создавать большой паузы, тормозящей разговор, медленно, несколько растягивая слова, сказала:

Пожалуй, я одна такая, как минимум, в философии и культурологии. Среди историков и филологов можно несколько докторов и «ваковских» профессоров моего возраста назвать, но в философии и культурологии, с учетом того, что в возрасте 35–36 лет защищена докторская, до 40 лет написаны книги и учебные пособия с министерским грифом, под моим руководством защитились доктора наук по философии и культурологии – никого, похоже, нет.

Я могла назвать своих подруг – краснодарского профессора Полину Волкову и профессора Вышки Анастасию Туманову. Полина Станиславовна, доктор философских наук

и доктор искусствоведения, прошла похожий путь из музыковедения в философию, но она постарше меня, а Анастасия Сергеевна, моя ровесница, тоже рано защитившая докторскую по историческим наукам и затем докторскую по юридическим наукам, превосходно работает в области отечественной истории и теории права.

В тот момент ответ мог показаться участникам поездки, возможно, нескромным. На какие-то, ощутимые для всех, секунды возникла остановка в разговоре, которую, как всегда, с юморной интонацией «разблокировал» Алексей Алексеевич. «Я подтверждаю», – в своей неподражаемой артистической манере сказал он, словно собираясь протянуть автору спича то ли утешительную детскую конфетку, то ли эстафетную палочку поколений.

Некоторое чувство неловкости из-за того, что пришлось говорить о своих «профессиональных достижениях» в подобном ключе, у меня осталось. Поскольку к такому вопросу я была совершенно не готова, то сделала мысленный экспресс-анализ и «социологическую выборку» только по формальным критериям, оценивая профессиональные траектории и легко верифицируемые результаты деятельности соучеников и коллег, близких мне по возрасту. Это был самый простой логический ход, за которым стоит понимание поколения в разрезе демографии, а истории – как преемственности поколений, приходящих на смену друг другу через равные промежутки времени – 5, 10, 15, 20 лет. Разумеется, что мой вывод опирался не на полную статистику, а на знание определенных профессиональных кругов и сообществ – научных и творческих сред, активно проявляющих себя на интеллектуальном поприще на рубеже XX и XXI веков, и особенно в начале первого десятилетия XXI столетия. А этих сообществ и сред, в которые мне пришлось входить, взаимодействовать и институализироваться в их рамках, было немало.

Собственно, в этом моменте и возникает для моего философского поколенческого самоопределения самая большая сложность, если говорить о профессиональной и культурной самоидентификации как о конкретно поставленной экзистенциальной и, одновременно, исследовательской проблеме.

Мой путь в философию был «нелинейным», хотя и оказался схожим с привычной, «лестничной» образовательной логикой социализации и профессионализации. Скорее можно говорить о сознательно выстраиваемом векторе вхождения в «большое» время мировой культуры, говоря языком социальной психологии, о практике интериоризации и экстериоризации высоких образцов творчества и связанных с ними национальных и мировых культурных традиций еще на раннем этапе жизни. Универсальная формула – «мир культуры – мир самого человека» – выдающегося философа культуры Вадима Михайловича Межуева, с которым мне посчастливилось встретиться и подружиться и которого я считаю одним из своих философских учителей, наилучшим образом отражает мой ранний опыт. Этот мир был миром моей семьи, ее культурных запросов и той позднесоветской формы школьного образования, когда даже в маленьком городе можно было, при наличии хороших учителей, получить достойную путевку в жизнь. Главными Учителями в моей жизни были и остаются родители – Анатолий Семенович и Тамара Михайловна Жуковы – и мой старший брат Игорь. Они дали мне возможность почувствовать радость и свободу творчества, привили трудовую этику, дисциплину и ответственность за всё, что ты думаешь и что делаешь. Они научили меня любить и проявлять заботу о других.

Семья, в которой я воспитана, была интеллектуальной. Она представляла собой среду инженеров, управленцев и научно-технической интеллигенции (согласно официальной советской социальной стратификации). Не ошибусь, если скажу, что именно этот образованный и прогрессивный класс новых русских-советских людей, мотивированных к знанию и созидательному труду, умных и ответственных, с широким культурным кругозором и тягой к высоким образцам искусства, профессионалов своего дела, был лучшим достижением советской цивилизации. Именно на этот довольно уже многочисленный слой советских людей, выученных в университетах и технических вузах, «знающих и любящих Пушкина», воз-

лагал надежды В. В. Вейдле, когда определял задачи для современной России, которая, по его убеждению, вновь должна была стать «исторической Россией».

На этапе школы определяющей установкой жизни я обязана моим любимым учителям музыки – Светлане Георгиевне и Георгию Георгиевичу Струве, прекрасным музыкантам, приобщившим меня к традициям русской фортепианной школы и заложившим твердое представление о значении искусства в жизни человека, эстетическом и этическом идеале творчества. Георгий Георгиевич учился у основателя русской-советской пианистической школы Александра Борисовича Гольденвейзера. Если бы не было на моем пути отца и дочери Струве, доводящихся родственниками русскому мыслителю и политику Петру Струве по линии его дяди (как потом выяснится, семьи с драматической историей советских репрессированных), мой путь в музыку, а затем в гуманитарную науку и философию был бы не столь очевидным. А скорее всего, его бы и не было. С моей тягой к математике и физике и историей школьных олимпиад был бы МФТИ, мехмат МГУ или МИЭТ (Московский институт электронных технологий) в Зеленограде. Это просто перст судьбы, что в маленьком промышленном городе Южноуральске, с населением не более 45 тысяч жителей, была построена и стала настоящим культурным центром Детская школа искусств. И работать в нее приехала из Стерлитамака семья Георгия Струве. В этой школе я потом, после окончания Челябинского музыкального училища, активно пять лет преподавала, экстерном учась в Уральском государственном университете.

В 15 лет я стала студенткой фортепианного отделения ЧМУ им. П. И. Чайковского в классе Сергея Владимировича Шурунова. Через какое-то время, не получив разрешения учиться параллельно на отделении теории музыки, я и моя подруга Ирина Безгинова перешли на «самый умный», по выражению директора училища Бориса Михайловича Белицкого, музыковедческий факультет. Я поняла, что мне важно знать не только, как играть, но и что играть. Еще один шаг к культурологии и философии через теорию и историю музыки, историю искусства и музыкальную эстетику был сделан.

На теоретическом отделении произошла моя вторая встреча с Учителем – с Ириной Георгиевной Дымовой. Краснодипломница Института музыки им. Гнесиных, она читала «Народное музыкальное творчество», «Мировую художественную культуру», «Полифонию» и «Современную музыку». Ее курсы отличались проблемной постановкой сложных тем современного музыкознания, значительно пополняли мой интеллектуальный багаж, оттачивали аналитический инструментарий, учили интерпретации музыкальных произведений «старого» и «нового» стиля, их языка, стилистики и композиторских техник. Это была настоящая техника чтения музыкального текста – музыкальная герменевтика и семиотика! Практика анализа музыкальных произведений, которую я, получив такой импульс, активно развивала, впоследствии привела меня к разработке методологии целостного философско-эстетического анализа текстов культуры, которую я предлагаю своим студентам по курсу эстетики и истории русской мысли. С 17 лет я работала ассистентом на занятиях Ирины Георгиевны в специальной музыкальной школе при музыкальном училище. Мое отношение к педагогическому труду и творческий подход к преподаванию гуманитарных дисциплин в духе философии наставничества во многом заложены ею.

Для истории моего становления как философа в период обучения в училище важно также общение с теоретиками Надеждой Павловной Наумовой, Тамарой Михайловной Белицкой, историком музыки Дианой Генриховной Мусатовой и Александром Алексеевичем Волгусновым – музыкальным аналитиком и культурным просветителем. Александр Алексеевич создал и много лет был душой интеллектуального кружка, участие в котором было привилегией и считалось признанием творческой состоятельности студента. Мы с Ириной Безгиновой оказались в числе приглашенных и активных участников кружка, постоянно расширявших свой гуманитарный кругозор.

Можно говорить, что косвенным образом с московским философским сообществом я встретила на 3-м курсе музучилища. Преподаватель истории Елена Геннадьевна Ланганс, философ по образованию, оказавшаяся последовательницей Г. П. Щедровицкого и вошедшая в его челябинский набор игротехников, привлекла наиболее «продвинутых» студентов к мыследеятельностным практикам, развиваемым Щедровицким и московским методологическим кружком. В 17–18 лет я вычерчивала методологические схемы, стоя у доски в нашем гуманитарном классе, в студенческие годы став участником методологического движения на Южном Урале. Конструктивно-логические схемы «школы Щедровицкого» меня увлекали, напоминали любимые математические и физические «дано-доказать-доказательство», которых мне, видимо, не хватало. От методологического языка по типу «многокритериальные принципы оптимизации урока» (таких построений и методологических эскизов у меня было немало) пришлось потом не без труда избавляться. В начале 1990-х я приняла участие в различных организационно-деятельностных играх по интересовавшим меня проблемам культуры и образования.

Расставание с методологами произошло на Всероссийской ОДИ, проходившей в марте 1993 года на базе отдыха у озера Увильды – природной жемчужине Южного Урала. Игра, посвященная проблеме возрождения России, стала в моей методологической истории завершающей. На игру приехали «звезды» кружка Щедровицкого – М. В. Рац, В. А. Никитин, а также А. П. Зинченко. Модераторы игры буквально «задавили» выступавших и говоривших дельные вещи Раца и Никитина. Вели себя они хамовато, вызывающе, атмосфера сгустилась и явно выходила за пределы игровых правил. Происходящее было чистым примером превращения методологии в новую версию авторитарной идеологии с претензией на интеллектуальную истину. Поэтому, когда Е. Г. Ланганс стала призывать меня «поставить свои способности на службу методологии», я по моральным соображениям отказалась. Ученики Щедровицкого не удержались на высоте задач своего учителя, который в качестве завещания, в одной из последних работ поставил вопрос о методологии и нравственности. Эту тему я потом обсуждала с Вадимом Марковичем Розиным, с которым познакомилась на культурологических конференциях уже в Москве. Ведущий российский философ и культуролог, он в свое время принимал участие в кружке Щедровицкого и расстался с ним, разойдясь с «учением» харизматичного методолога по важным философским основаниям.

Завершив курс музыкального училища в 1990 году, ни в Московскую консерваторию, ни в Гнесинку, имея в дипломе только отличные оценки, я поступать отказалась. Как мне тогда казалось, консерватория не могла дать необходимую общекультурную рамку для понимания интересующих меня эстетических и искусствоведческих проблем. Для того чтобы идти «в глубину», мне нужна была ясная картина взаимосвязи видов искусства и творческих практик в историческом и культурном разрезе – «всего со всем». Одним словом, между творчеством композиторов-классиков и гениями мысли нужно было установить смысловое взаимодействие. Чтобы реализовать свой план, пришлось ждать год, когда в Уральском государственном университете им. А. М. Горького на волне общих изменений содержания образования и преодоления идеологического подхода в гуманитарных науках (избавления от марксизма-ленинизма и научного коммунизма) возникла сначала идея и, следом, группой философов, социологов и историков культуры во главе со Львом Наумовичем Коганом был запущен проект культурологического образования.

К встрече с большой гуманитарной традицией и философией я уже была готова, начав читать и осмыслять труды русских религиозных мыслителей, а также и современных советских философов. Это были, конечно, «Самопознание» Бердяева, труды Соловьева, Чаадаева, замечательный сборник статей русских мыслителей о Пушкине, вышедшая в 1990 году книга В. С. Библера «От наукоучения – к логике культуры», работа К. А. Свасьяна о Гёте и многое другое. Когда я готовилась к вступительным экзаменам, приключился путч. Было тревожно и непонятно, чем все закончится. Сдавать экзамены в конце августа в Екатеринбург я поеха-

ла, не совсем представляя, что старая модель жизни – сложившаяся и просуществовавшая более 70 лет советская цивилизация – завершает свои дни. Вышедшая в 1991 году книга Э. Ю. Соловьева по истории и философии культуры «Прошлое толкует нас», купленная мною в южноуральском книжном магазине и сразу же прочитанная, и по названию, и по содержанию имела в каком-то отношении символический смысл.

Новый факультет искусствоведения и культурологии оказался пионером больших изменений, происходивших в системе высшего образования. Для меня и моей подруги Ирины Безгиновой, с которой мы вместе одолевали университетскую глыбу, начался невероятный по напряжению образовательный марафон. На себе, в буквальном смысле, мы «вынесли» и отработали первый в России учебный план по специальности «культурология». Поскольку план был экспериментальным, то в нем была представлена, по существу, сумма специальностей с доминантой дисциплин философии, искусствоведения, истории, филологии и новой области теории культуры, так, как ее сформулировал и интерпретировал на тот момент лидер и основатель уральской школы социологии и теории культуры Л. Н. Коган. Особенность заключалась еще и в том, что мы с подругой «прошли» его экстерном. Поддержку на этом сложном пути нам оказал научный руководитель, известный уральский философ и историк культуры, Всеволод Иванович Колосницын, интеллигентнейший человек, эрудит, интересный собеседник. Итоговой дипломной работой стал большой труд в жанре хрестоматии и комментариев к текстам русской культуры «История русской культуры. Текст в культуре», выполненный совместно с Ириной. Из этой работы выросли наши культурологические кандидатские диссертации, посвященные русской культуре.

В 1995 году с отличием завершив университетский курс, я не имела планов на академическую карьеру, не задумывалась над тем, чтобы пойти в аспирантуру, связать себя с наукой. Времена были очень тяжелыми. С моей работой учителем школы искусств в маленьком уральском городе, где стояли все предприятия, пришлось просто выживать. Но нехватка актуальных идей и дискуссий в отрыве от главных научных центров мной ощущалась все острее. Выручали «Вопросы философии», которые я стала выписывать еще в период обучения в университете и штудировать с карандашом в руках.

Выйдя замуж за астраханца, я переехала в конце 1995 года в Астрахань, где очередной философской ступенью стала работа в Астраханской государственной консерватории. Этот период отмечен знакомством и сотрудничеством с философом Жанной Ивановной Гермашевой, последовательницей философии А. Ф. Лосева, в свое время учившейся в аспирантуре и защитившей диссертацию по этике в Московском педагогическом институте им. Ленина. Жанна Ивановна, возглавлявшая кафедру общегуманитарных дисциплин, взяла меня преподавать курсы культурологии и эстетики. Начало авторской разработки курса эстетики, который я читаю около 25 лет в различных вузах России², было положено именно в Астраханской консерватории. Через Жанну Ивановну произошло знакомство с создателем единственного в мире музея Велимира Хлебникова, филологом и краеведом Александром Александровичем Мамаевым. Мне довелось провести немало часов, работая с уникальными материалами и архивами. Следы этой работы в области эстетики русского модернизма и философии русской литературы есть в моей культурологической кандидатской и философской докторской диссертациях. В наш интеллектуальный кружок входила также известный российский музыковед, автор оригинальной дисциплины «Музыкальное содержание» Людмила Павловна Казанцева. Мои старшие астраханские коллеги и друзья во многом способствовали тому, что я стала задумываться о научном пути.

После смерти мужа я, отказавшись от настойчивого предложения Жанны Ивановны занять кафедру после защиты кандидатской, вернулась на Урал и поступила на работу в свое бывшее музыкальное училище, на базе которого была открыта консерваторская ступень. По

² Об авторской концепции курса эстетики подробнее см.: Жукова 2015: 66–75.

образцу кафедры, возглавляемой Жанной Ивановной, в возрасте 26 лет я создала кафедру общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, которая объединяла более 35 преподавателей консерваторской, колледжной, школьной ступени, включая преподавателей философии, социологии, истории, иностранных языков, обществознания, литературы. Кафедру я возглавляла почти 6 лет, параллельно заведую научно-методическим отделом и решая сложный класс задач в условиях, когда вузовскую ступень нужно было поднимать буквально с нуля и выстраивать непрерывный музыкально-образовательный цикл трехступенчатого профессионального образования: школа – колледж – вуз. Это была попытка сохранить лучшие традиции советского музыкального образования. Так, Высшее челябинское музыкальное училище в мою бытность стало Институтом музыки им. П. И. Чайковского.

За это время я защитила кандидатскую диссертацию «Художественное самосознание русской культуры» (29.09.1999) по теории культуры в Челябинской государственной академии культуры и искусства, в совете, который возглавлял ведущий российский теоретик и социолог культуры Владимир Самойлович Цукерман. Научным руководителем работы выступил В. И. Колосницын. Обсуждение диссертации проходило в УрГУ, на кафедре философии и культурологии ИППК, где мне также довелось интенсивно общаться на профессиональные темы с известными екатеринбургскими философами В. В. Кимом, В. И. Копаловым, И. Я. Лойфманом. Первым же оппонентом моей диссертации был Даниил Валентинович Пивоваров, философ религии, специалист по проблеме идеального, один из самых авторитетных екатеринбургских философов, труды которого хорошо известны.

Даниил Валентинович пригласил меня принять участие во Втором Российском философском конгрессе «XXI век: будущее России в философском измерении». Он проходил в начале июня 1999 года в Екатеринбурге, за несколько месяцев до защиты кандидатской в Челябинске. Мое выступление состоялось на секции по проблемам философии религии и культуры, которой Пивоваров руководил. Именно тогда, в Екатеринбурге, я впервые увидела и услышала выступления московских и Санкт-Петербургских ученых, труды которых я читала и изучала еще в конце 1980-х, в училище, с карандашом в руках работая с книжками из политиздатовской серии «Над чем работают, о чем спорят философы», которые покупала для самообразования в челябинских и южноуральских книжных магазинах.

Большое собрание философов, приехавших со всех уголков новой России, открыл И. Т. Фролов. Выступление сильно разочаровало. Речь была внутренне несвязанной, без «ядерного» содержания, какой-то косноязычной и запомнилась агрессивным выпадом. Старый партиец, реагируя на происходящие духовные и идейные изменения в обществе, безапелляционно произнес: «Сейчас философов потеснили попы, но скоро это закончится». Цитата дословная, поскольку я, по своей привычке, конспектировала наиболее интересные и запоминающиеся вещи. Всё это неприятно резануло слух, как и то, что половина зала загудела одобрительно. Для профессионала, который более 10 лет занимался историей русской культуры, древнерусского искусства, изучал наследие русских мыслителей, философские построения которых насквозь пронизаны религиозными интуициями; для музыканта, который пел в церковном хоре, помогая строительству на тот момент единственного храма в Южноуральске, усиленно способствуя восстановлению церковной жизни в современной России, – всё это звучало диковато и невежественно. Как будто бы не было европейской традиции университетов, выросших из богословских факультетов, и не было тысячелетней христианской русской истории – вообще ничего не было в решении ключевой европейской и русской философской темы взаимоотношения веры и разума, – кроме Политбюро.

С этой агрессией, переходящей в неприкрытую ненависть к носителю метафизических смыслов и ценностей русской культуры, к сожалению, мне пришлось столкнуться в период работы заведующей кафедрой культурологии в Православном институте ап. Иоанна Богослова уже в Москве. А тогда на пленарных заседаниях Российского философского конгресса это не очень хорошее впечатление и настроение аудитории удалось перенастроить интересными

и обозначающими перспективу современной философии выступлениями В. С. Стёпина, А. А. Гусейнова, М. С. Кагана. Позже я познакомилась с Вячеславом Семеновичем, Абдусаламом Абдулкеримовичем, а также с Владиславом Александровичем Лекторским, общаясь с ними в рамках большого культурологического форума – ежегодных Лихачевских чтений, проводимых СПбГУП в Санкт-Петербурге, а также важных научных мероприятий в ИФ РАН под руководством А. А. Кара-Мурзы, в которых сама уже выступала в качестве члена Оргкомитета и пленарного докладчика.

После защиты кандидатской диссертации профессиональный путь был выбран, как и дальнейший план продолжить работу над докторской диссертацией. Но челябинские условия, по существу, отсутствие серьезной философской среды не позволяли его осуществить. Это стало очевидным и способствовало решению переезда в Москву. Руководство своей кафедры я передала Ирине Безгиновой, которая ее возглавляла несколько лет и впоследствии какое-то время осуществляла функции проректора по научной работе укрупнившейся вузовской структуры, созданной на основе Института музыки.

Я приехала в Москву очень поздно, в тридцать два с половиной года, когда поколенческие корпоративные отношения сформированы и профессиональные ниши, связанные с различными академическими и образовательными институтами, уже заняты. Иными словами, они локализованы местом образования и фактом причастности к определенной среде и субкультуре, создаваемой этой средой. В этом смысле мой путь не демонстрирует логику воспроизводства профессиональной среды и интеллектуальной культуры философских факультетов больших университетских корпораций типа МГУ или ЛГУ. Хотя я и окончила хороший вуз – Уральский государственный университет им. А. М. Горького, находившийся в советском рейтинге после МГУ и ЛГУ в первой пятёрке университетов, – в своем университете я не осталась для продолжения карьеры, хотя и поддерживала связь с моими учителями уже как молодой коллега. Мой путь в философию имел исключительно индивидуальную траекторию, по характеру вхождения в московскую философскую среду он был скорее не горизонтальным, корпоративным, с опорой на сложившиеся социальные связи и знакомства, которые можно эффективно обратить в научный или социальный капитал, а вертикальным. За мной никто не стоял, никто меня не знал, не «растил» и не «двигал» по карьерной лестнице. Мне пришлось проявлять целеустремленность и волю к труду, представлять себя самой, многократно доказывать свою профессиональную состоятельность, не имея никаких знакомств и связей в среде, в которой я очень нуждалась для продолжения научных исследований и формирования новых профессиональных компетенций. Я была из музыкальной среды, преподавала до этого в музыкальных вузах Астрахани и Челябинска. Попасть в Московскую консерваторию в отсутствие вакансий (и, разумеется, без все тех же связей) мне не удалось. Так я оказалась в Российском православном институте ап. Иоанна Богослова.

Это был огромный опыт для меня. Произошло глубокое знакомство с ученой православной средой. По приглашению игумена Петра (Пиголя), с которым я познакомилась, выступая с докладом на масштабном Международном научно-педагогическом форуме Рождественские образовательные чтения (на этот форум я приезжала для участия еще из Челябинска и много лет затем выступала на различных площадках, включая Зал церковных соборов храма Христа Спасителя), я стала преподавать на философско-богословском факультете РПИ. Работа и общение с игуменом Петром (Пиголем), исследователем исихазма, несшим в свое время послушание в монастырской библиотеке на Афоне, затем восстанавливавшим разрушенный войной монастырь Симона Канонита в Абхазии, издателем, первым проректором института, деканом философско-богословского факультета, ныне духовником Высоко-Петровского монастыря, были очень интересными, душеполезными и профессионально продуктивными.

В институте я создала кафедру культурологии, работала над адаптацией религиозно-философского стандарта в конфессионально ориентированных высших учебных заведениях, читала

практически весь цикл теоретического религиоведения, культурологии, этики и эстетики. Некоторые из моих учеников-религиоведов – выпускников РПИ – сегодня работают в научных институтах РАН, среди них Алексей Гагинский в Институте философии. Параллельно с преподаванием в РПИ (затем было деканство в Столичной финансово-гуманитарной академии, профессорская должность на кафедре культурологии Московского педагогического государственного университета), я в течение шести лет по приглашению профессора В. Ф. Михина и академика В. А. Роменца читала авторский культурологический и просветительский курс «Духовные основы русской культуры» для экономистов и менеджеров МИСИС. На его основе, а также других моих разработок были написаны учебные пособия по философии и истории русской культуры, получившие гриф Министерства образования [Жукова 2012; Жукова 2009].

В этот период отец Петр, помощником и заместителем по научной работе которого я была, познакомил меня с Константином Михайловичем Долговым. Оба они занимались творчеством Константина Леонтьева. Бывший прежде на советских идеологических руководящих постах, в 1990-х Константин Михайлович ушел в науку, сосредоточился на эстетических и историко-философских исследованиях и в двухтысячных стал одним из самых заметных представителей российской интеллигенции, пытающихся наладить диалог с Русской православной церковью. Отец Петр, Константин Михайлович и я принимали участие как члены Оргкомитета в первом Оптинском форуме 2006 года, объединившем иерархов и священнослужителей, церковную общественность, российских ученых и педагогов для обсуждения проблемы взаимодействия Церкви и общества, вопросов духовно-нравственного и культурного образования. Я принимала участие в написании нескольких важных документов форума, в частности Декларация культуры написана Константином Михайловичем и мною. По приглашению К. М. Долгова, руководившего кафедрой культуры и философии в Дипломатической академии МИД, я какое-то время читала курсы «Мировой культуры» для слушателей, получавших второе высшее образование. Среди них было уже и немало кадровых сотрудников посольств.

Я продолжила исследование по теме докторской диссертации по теории, истории и философии русской культуры, выпустила две монографии в издательстве Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ и защитила диссертацию «Религиозный смысл творчества в истории художественной культуры России: проблема преемственности творческого опыта». В моем исследовании была поставлена проблема преемственности восточнохристианской духовной традиции в культурной и интеллектуальной истории России. Тысячелетний путь русской культуры я рассматривала на обширном материале литературы, изобразительного и музыкального искусства, производя философский анализ художественного опыта русской культуры, ее истории в аспекте взаимодействия искусства и религии. Я исходила из тезиса, что религиозный смысл творчества задает эсхатологический горизонт личности, выступая в русской культуре и в творческом опыте ее создателей в качестве эстетического и этического идеала. Этот идеал становится определяющим на этапе сложения и стабилизации древнерусской культуры и наследуется в исторически специфических формах при масштабных трансформациях социального порядка – при переходе от одного типа культуры к другому.

Мной было показано, что происходящие изменения не устраняют архетип «культуры веры», но переосмысляют его в рамках новых культурных мифологий. То, что имело в религиозной культуре смысл спасения, в светской становится философией служения и оправдания жизни. Подобный опыт оправдания творчеством становится способом трансляции культурной традиции, обеспечивая цивилизационную идентичность русского мира. В этой исторической логике современность может возвращаться к истоку, положенному в начало развития традиции, в усложненной форме духовно-интеллектуальной рефлексии. Традиция в таком случае всякий раз требует нового обоснования и самополагания. Вечное и временное

(исторически изменчивое), выраженное авторским началом творчества, встречаются в пространстве культуры, где творчество оказывается философским, часто религиозно окрашенным, вопрошанием смысла. Диссертация была признана первым в отечественной философско-культурологической науке масштабным исследованием проблемы взаимообусловленности религиозного и художественного опыта в истории культуры России. На это обратил внимание, выступая в прениях на защите докторской, Вадим Михайлович Межуев, подчеркнув значение религиозных интуиций русской культуры, ее «музыкальный, литературный и религиозный образ» в восприятии представителей других культур³.

Защита докторской диссертации состоялась 12 ноября 2007 года, в Московском гуманитарном университете, в совете, возглавляемом социологом и теоретиком культуры Анатолием Ивановичем Шендриком. В этот совет меня направил Олег Константинович Румянцев, научный консультант по докторской диссертации, которого я с благодарностью могу назвать одним из своих учителей философии. Возвращаясь к предыстории работы над докторской, замечу, что с моей междисциплинарной темой трудно было найти совет для защиты. Сначала я обратилась в Российский институт культурологии, к его директору Кириллу Эмильевичу Разлогову. Послушав меня, он посоветовал «найти» Олега Константиновича, который возглавлял на тот момент сектор философских проблем культуры РИК. Олег Константинович, биофизик по образованию, получивший в свое время благословение от А. Ф. Лосева, был учеником школы Марка Борисовича Туровского, увлекшего студентов мединститута философией. Среди собеседников О. К. Румянцева можно назвать В. С. Библера, А. В. Ахутина, В. П. Визгина, среди близкого круга общения – А. П. Огурцова, С. С. Неретину, А. Ю. Шеманова. В секторе Олега Константиновича работали В. Ж. Келле, В. М. Межуев, дружил с сектором В. Л. Рабинович. Собственно, фактом этого общения «сцепка» с московской философской и культурологической средой состоялась.

Постепенно круг профессиональных знакомств расширялся как со стороны культурологического сообщества, так и философского. Многие авторитетные и знаменитые в своей области ученые стали моими хорошими коллегами, а кто-то и друзьями. С благодарностью вспоминаю ушедшего от нас Вадима Михайловича Межуева, буквально спасшего кворум и мою докторскую диссертацию, приехавшего не очень здоровым на защиту после моего драматического звонка за полтора часа до заседания совета, где я, почти плача, сообщила о срыве заседания из-за экстренной госпитализации нескольких членов совета. Заслуги в отечественной философии и культурологии коллег, с которыми я нахожусь в постоянном творческом общении – Н. А. Хренова, А. Я. Флиера, Т. Ф. Кузнецовой, И. В. Кондакова, А. Ю. Большаковой, Т. Г. Щедриной, И. Н. Сиземской, В. Г. Федотовой, В. М. Розина, А. П. Козырева, Е. В. Дукова, О. Н. Астафьевой, И. М. Быховской, Е. Н. Шапинской, А. В. Костиной, Н. Г. Багдасарьян, И. В. Малыгиной, – нет необходимости перечислять. Проблемное поле, в котором я работаю, пересекается со многими направлениями современного философского и культурологического знания, включая историю русской мысли, философию российской культуры и истории, философскую антропологию, эстетику, религиозную этику и аксиологию, историю искусства, теорию и социологию культуры. Особое значение имеет в моих исследованиях и профессиональных коммуникациях сотрудничество с Институтом философии РАН, ассоциированным научным сотрудником которого я являюсь с апреля 2011 года.

Мое первое выступление в Красном зале Института философии на Волхонке, 14 состоялось в конце января 2006 года, на секции под руководством К. М. Долгова в рамках Между-

³ По материалам докторской диссертации мной была опубликована монография «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России». – М.: Изд-во НОУ ВПО «СФГА», 2008. Вадим Михайлович написал рецензию на эту книгу для журнала «Вопросы философии». См.: Межуев В. М. О. А. Жукова. Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 175–177.

народных Рождественских образовательных чтений. Институт философии, сохраняющий свое значение головного научного центра и философской корпорации, обладающей мощными традициями, стал своим и близким, когда через Владимира Карловича Кантора произошло знакомство с Алексеем Алексеевичем Кара-Мурзой. Владимир Карлович в свое время подписал мне отзыв на автореферат докторской диссертации, но благополучно об этом забыл, что я приходила в Мароновский переулок, в редакцию «Вопросов философии», где он работал, с просьбой об отзыве. По этому поводу приведу забавный эпизод. Как Кантор потом признался, он не был уверен, что я тогда в «Фаланстере», напомнив о себе, сказала «правду» про отзыв на автореферат, пока через несколько лет случайно не обнаружил одну из копий этого документа с печатью в кипах своих бумаг. Когда я с ним случайно встретилась в книжном магазине «Фаланстер» в июне 2009 года, знакомиться пришлось заново, подписанный отзыв он не помнил. Я оказалась, возможно, наиболее внимательным и заинтересованным читателем философского и литературного творчества большого исследователя, которого я считаю одним из самых талантливых современных авторов, о чем не один раз писала в своих рецензиях и критических статьях по поводу новых книг Владимира Карловича Кантора. Он стал моим старшим другом и коллегой, с которым мы работаем сейчас в НИУ ВШЭ, создав вместе с А. А. Кара-Мурзой и М. С. Киселевой центр по изучения русской мысли – Международную лабораторию исследований русско-европейского интеллектуального диалога.

На докладе Владимира Карловича в сентябре 2009 года в Институте философии в рамках круглого стола по Степу, куда Кантор пригласил меня, я познакомилась с Алексеем Алексеевичем Кара-Мурзой. Заочно я уже знала этого ученого, который несколько ранее запомнился мне выступлением на передаче Виталия Третьякова «Что делать?». Запомнился тем, что на несколько голов был выше и интереснее своих собеседников, рассуждавших о русской либеральной традиции. Этот интеллектуализм в сочетании с глубиной исторических знаний меня поразил.

Не меньшим моим удивлением оказалась способность Алексея Алексеевича создавать вокруг себя ощущение открытости и равенства в общении, что напомнило мне простоту и дружескую тональность той среды, в которой я выросла – в хорошем смысле творческий коллективизм. Тогда после докладов по Степу все участники были приглашены «отметить» это событие в знаменитый сектор Кара-Мурзы на четвертом этаже здания на Волхонке, бывший центром притяжения, не ошибусь, для всего института. Вскоре мы втроем – Кантор, Кара-Мурза и я – поехали в Орел на первые Муромцевские чтения, посвященные теории и практике русского либерализма, где выступили с докладами. Так получилось, что именно тогда, в 2009 году, нами и нашими коллегами по Орлу – доктором исторических наук Дмитрием Владимировичем Ароновым и бессменным ученым секретарем Чтений Владой Владиславовной Востриковой – была заложена традиция Чтений, которые успешно существуют более 10 лет и выполняют важную роль в консолидации российских и зарубежных ученых, создавая научную площадку для обсуждения русского либерализма как важной историко-философской и политологической темы.

Я вошла в состав членов Фонда «Русское либеральное наследие», учрежденного и возглавляемого Алексеем Кара-Мурзой. За прошедшие годы совместной работы по российским и международным проектам в соавторстве с Алексеем Алексеевичем написаны три книги, проведены десятки проблемных и мемориальных круглых столов, юбилейных конференций в Москве, других городах России и за рубежом. Значимыми событиями в современной философской жизни стали конференции и круглые столы, приуроченные к юбилеям А. А. Краевского, В. А. Караулова, И. С. Аксакова, В. О. Ключевского, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, Г. П. Федотова, М. А. Стаховича, П. Б. Струве, Ф. А. Степуна, А. В. Тырковой-Вильямс, Н. В. Станкевича, Н. А. Бердяева, В. В. Вейдле, Н. М. Карамзина, С. Л. Франка, П. А. Вяземского, В. А. Маклакова, Н. И. Тургенева. Специальным направлением является Италия, где

мы с Алексеем Алексеевичем, как соавторы проектов, и наш ко-партнер с итальянской стороны, историк Михаил Григорьевич Талалай, организовали и провели с 2012 года около десятка русско-итальянских СПОсОб быть, или МежПЮкОленческая ПреемственнОсть... симпозиумов в университетских и культурно-исторических центрах Амальфи, 967 Генуи и Нерви, Бордигеры, Рима, Флоренции, Венеции, Бари и Монополи, посвященных диалогу России и Италии, русским мыслителям, писателям и художникам, в творческой судьбе которых Италия оставила значительный след. Вокруг этих поездок сформировался «итальянский клуб» – круг единомышленников и участников философских путешествий. Эти очень ответственные научные поездки, в то же время неформальные по характеру общения, хорошо спланированы участниками. Основной состав итальянских проектов представлен учеными ИФ РАН, а также философами НИУ ВШЭ. Многие из сотрудников Института философии, в том числе и благодаря итальянским проектам, составляют мой профессиональный и дружеский круг общения. Это и Мария Михайловна Федорова, и Сергей Анатольевич Никольский, и Михаил Николаевич Громов, и Михаил Вячеславович Локтионов, и Федор Николаевич Блюхер, и Наталия Сергеевна Автономова, и Виктория Георгиевна Лысенко, и работавший ранее в институте Александр Владимирович Коваленко и его сестра Наталия Владимировна Коваленко, молодое поколение исследователей – Валентина Омелаенко, Вероника Шарова, Ольга Кусенко, Маргарита Пилюгина.

Именно в амальфитанской поездке, поздней осенью 2012 года, я познакомилась с коллегой и другом Алексея Алексеевича Алексеем Михайловичем Руткевичем, тогда деканом философского факультета НИУ ВШЭ. Факультет расширялся, нужны были кадры, и Алексей Михайлович пригласил меня на профессорскую должность в ВШЭ. В сентябре 2013 года я приступила к работе в Высшей школе экономики. Менялись образовательные стандарты НИУ ВШЭ, а вместе с ними и принципы организации и управления учебными и научными процессами. Через год как я стала преподавать в Вышке, Алексей Михайлович попросил меня взять непростой, на тот момент еще и весьма проблемный участок работы – философскую магистратуру. Я развиваю и «отстраиваю» ее уже более шести лет и продолжаю сегодня возглавлять основную образовательную программу «Философская антропология», выступая также в качестве научного руководителя смежной ОП «Философия и история религии» (выделенной из ранее созданной мною ОП «Философия и религиоведение»), а также программ культурологической магистратуры «Визуальная культура» и «Прикладная культурология».

Высшая школа экономики – динамично развивающаяся университетская корпорация, выступающая локомотивом многих изменений и новаций в высшем образовании. Сегодня это уже воспроизводящая собственный кадровый состав структура. А прежде, и это ярко видно в истории развития философского образования в ВШЭ, многие из преподавателей бывшего факультета философии, у истоков создания которого стоит А. М. Руткевич, пришли в ВШЭ из Института философии (большая часть из них окончили филфак МГУ). Может показаться, что философский факультет ВШЭ, после слияния профильных факультетов в мегафакультет гуманитарных наук ставший школой философии, а ныне объединенной школой философии и культурологии в составе факультета гуманитарных наук (который до недавнего времени возглавлял А. М. Руткевич), является кадровым «филиалом» Института философии. Но этап становления уже пройден, и философская школа ВШЭ является самостоятельной корпорацией со своими активно формирующимися научными, академическими традициями и образовательными подходами, с яркими и авторитетными учеными и преподавателями, среди которых мои уважаемые коллеги: профессора А. М. Руткевич, В. Н. Порус, В. К. Кантор, А. Л. Доброхотов, Т. Ю. Сидорина, А. Ф. Филиппов, Е. Г. Драгалина-Черная, Б. И. Пружинин, Д. М. Носов, Л. Б. Макеева, Т. П. Лифинцева, Б. Н. Кашников, И. Н. Инишев, В. А. Куренной, доценты Н. А. Канаева, А. В. Углева, П. В. Резвых, А. В. Михайловский, А. В. Павлов, А. А. Глухов, Б. К. Кнорре. Наиболее активно развивающимися направлениями исследований в ВШЭ являются, на мой взгляд, формальная философия, история западно-

европейской и русской мысли, социально-политическая философия, феноменология. Я рада, что у меня сложились хорошие деловые и дружеские отношения с коллегами по Высшей школе экономики. Появился в ВШЭ и круг молодых студентов и аспирантов, заинтересованных в русских исследованиях и работающих под моим научным руководством над темами, посвященными философскому творчеству Г. П. Федотова, Вяч. И. Иванова, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, В. Ф. Эрн, Б. П. Вышеславцева, Н. О. Лосского, П. А. Флоренского.

За эти годы круг моих профессиональных контактов расширился, в том числе благодаря участию в различных издательских проектах. Среди таких значимых научных и личных взаимодействий – проблемно-тематические исследования, организуемые Юлией Вадимовной Синеокой, заместителем директора Института философии, а также сотрудничество с журналом *Russian Studies in Philosophy* и его главным редактором, известным российским и американским философом, Мариной Федоровной Быковой.

Приехав в Москву в конце 2003 года, в течение 9 лет я стала доктором философских наук и полным профессором ВАК по кафедре культурологии, работая штатно и по совместительству в разных вузах Москвы. Когда в 2014 году в серии «Избранные работы по философии культуры» была опубликована моя фундаментальная монография «Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России» (по счету на тот момент девятая книга, две из них в соавторстве), которая вошла в большой проект «Академическая библиотека российской культурологии», это свидетельствовало о том, что культурологическим и философским сообществом мой вклад в науку был оценен и работы признаны академическими.

Я не могу в полной мере говорить о себе как представителе философского поколения выпускников МГУ (ЛГУ, НГУ, УрГУ и т. п.) или исторически сложившегося сообщества ученых Института философии РАН, переживающего сегодня смену поколений. Увы, старшее поколение и его яркие представители уходят, светлая им память... Я носитель черт многих профессиональных сред, и продолжаю плодотворно коммуницировать с ними по причине особенностей образования СПОсОб быть, или МежПОкОленческая ПреемственнОсть... и творческого пути. Только в последние 15 лет моя научно-творческая деятельность является преимущественно философской по институциональному закреплению в профессиональной среде и прочно связана с московским философским сообществом. В этом контексте, с известной долей ограничения, можно говорить о горизонтальных связях внутри философского поколения, на которые я опиралась в своем профессиональном пути, если понимать эти связи как стержень творческой самоидентификации. Мне, как и моим сверстникам, выпускникам философского факультета МГУ, вероятно, присущ набор свойств – некоторая общность морально-психологических черт и идейно-идеологических представлений своего времени, выявляя которые на примере поколения Герцена и Станкевича дал свою интерпретацию русской интеллектуальной истории XIX века Гершензон. Но по своей «вертикальной» траектории вхождения в историю философских поколений я здесь, скорее, исключение из правил, это правило подтверждающее. В этом смысле поколение – это и создание поколения в постоянном перерешении и самополагании своей судьбы в горизонте определяющих жизнь идеалов.

Герцен А. И. 2003. *Былое и думы*. – М.: Захаров.

Гершензон М. О. 2015. *Избранное. Молодая Россия* / Сост. С. Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Жукова О. А. 2008. *Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России*. – М.: Изд-во НОУ ВПО «СФГА».

Жукова О. А. 2009. *Лекции по истории русской культуры. Историческая культурология в высшей школе. Учеб. пос. для вузов.* – М.: Изд-во НОУ ВПО «СФГА».

Жукова О. А. 2012. *Курс лекций по философии и истории русской культуры. Учеб. пос. для высших учебных заведений.* – М.: ПКЦ Альтекс.

Жукова О. А. 2015. Эстетика в системе философского и культурологического образования: к концепции интегрального учебника – *Вопросы культурологии.* – № 5–6. – С. 66–75.

Межуев В. М. О. А. Жукова. 2010. Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России – *Вопросы философии.* – № 2. – С. 175–177.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. 2012. (Сост. Н. И. Кашищева). – М.: РОССПЭН.